

Тульская О.С.

ТЕМА РОССИИ В ПИСЬМАХ И.А. ИЛЬИНА К И.С. ШМЕЛЕВУ

Tulskaya O.S.

THEME OF RUSSIA IN I.A.ILYIN'S LETTERS TO I.S.SHMELEV

Ключевые слова: художественно-документальная литература, эпистолярный жанр, эпистолярный стиль, судьба России, патриотизм, национальное самосознание.

Keywords: Art-documentary literature, epistolary genre, epistolary style, destiny of Russia, patriotism, national consciousness.

Аннотация

В статье рассматривается переписка И.А. Ильина и И.С. Шмелева как целостное художественно-публицистическое литературное произведение. В первую очередь в поле зрения автора находится тема судьбы России, отраженная в этой переписке. Анализируется эпистолярный стиль И.А. Ильина, богатство и разнообразие его языка. Уделено внимание философским и духовным поискам двух великих русских мыслителей. Отмечается актуальность изучения этой переписки в связи с пристальным вниманием современного литературоведения к произведениям документального жанра.

Abstract

Correspondence of I.A.Ilyin and I.S.Shmelev as holistic is art-publicistic literary work is considered. Subject of fate of Russia, reflected in this correspondence in the first place falls into author's field of vision. Ilyin's epistolary style, wealth and variety of his lexicon is analyzed. The attention is paid to philosophical and spiritual searching of two great Russian thinkers. The actuality of investigation of this correspondence in connection with especial attention of modern literary criticism to making of a documentary genre is noted.

В 2000 году издана в качестве дополнения к собранию сочинений И.А. Ильина переписка этого замечательного философа с писателем И.С. Шмелевым. Издание этих писем стало важным во многих отношениях событием. Оно дало возможность читателям, уже успевшим за последнее десятилетие узнать и полюбить двух преданных России талантливых авторов, глубже понять многие стороны их творчества, отношение каждого из них к историческим событиям, различным литературным именам и друг к другу. Мы смогли особенно остро ощутить трагизм положения русских на чужбине, со многими трудностями, тяжелыми болезнями, бытовой неустроенностью.

Прежде всего «Переписка двух Иванов» поражает искренностью общения, горячей взаимной поддержкой во имя общей жизненной цели двух великих изгнанников: служить России, готовить ее Возрождение. Великая преданность и любовь к своему народу выразилась в письме Ильина от 18.III.1927: «Нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такой мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; за то мы выстрадали себе дар - незримо возрождаться в зримом умирании - да славится в нас Воскресение Христово!» [1: 22] В свете такого великого самопожертвования и раскрываются перед нами на страницах писем со всеми своими художественными озарениями, духовной силой и человеческими слабостями два адресанта.

Переписка началась раньше, чем они увидели друг друга, - но уже были взаимно знакомы с творчеством каждого и чувствовали сродство своих душ. Соединяла их и общность судьбы: оба после революции много пережили в России и в конечном итоге были «выдавлены» из нее вместе с огромным числом русских эмигрантов. Часть России как бы выплеснулась за ее пределы и не растворилась в чуждом мире, а сохранила свое национальное своеобразие и ближе познакомила другие страны с

особенностями отечественной культуры, русского духовного и душевного склада. Но далось это ценой огромных страданий.

Объединяла И.С.Шмелева и И.А.Ильина также горячая вера в Бога, в его мудрый Промысел, далеко не всегда сразу раскрывающийся людям, но неизменно милосердный. Оба они, одаренные Творцом блестящими талантами мыслителей и художников, были также одарены преданными спутницами-женами, без которых дело жизни и Ильина, и Шмелева не могло бы быть выполнено. Трагедия гибели в революционной буре сына И.С.Шмелева наложила скорбную тень на всю его жизнь и творчество, в то же время сделав его душу особенно чуткой к чужим страданиям и окончательно развеяв всякие иллюзии относительно политики большевиков. Личные встречи писателя и философа были очень немногочисленны. Ильин своими письмами неизменно поддерживал своего склонного к приступам уныния друга, направлял его к преодолению тоски путем молитвы и творческой реализации внутренней скорби. Так, в тяжкие для писателя дни после неожиданной кончины жены Ильин пишет ему (28.VIII.1936): «Я постоянно думаю о Вас сердцем и чувствуете мне, что Божий Промысел по-прежнему над Вами и ведет Вас... родится созерцание, ради которого можно и должно жить на свете. Чувствуете мне... для этого уведена Ольга Александровна в тот мир, чтобы Вам это открылось. Но не только для духовного общения с ней, а и для молитвы и для творчества» [1: 157-158].

В отношениях этих двух великих личностей, при полном их равноправии и взаимоуважении, Ильин невольно стал, в силу своего философского теоретического таланта, как бы учителем, «водителем» для своего друга, перед чьим художественным талантом он в свою очередь преклонялся. Уже в первом письме к Шмелеву он восклицает: «Это самое необходимое, это самое живое, это незабываемое! Истинное искусство всегда философично, всегда метафизично и религиозно - горит и жжет, и очищает душу» [2: 13] (речь идет о рассказе «Свет Разума»). На протяжении всей переписки многократно мы встречаем предпринятые Ильиным критические разборы книг Шмелева, исполненные неизменного восхищения и одобрения. Но в то же время он не стесняется делать важные замечания, порою не соглашаясь со своим адресатом в творческих и иных вопросах. «Я вам не кадило!» - поясняет свою позицию при этом Иван Александрович. В оценках, даже самых положительных, нет подобострастных восхвалений, но много искренних одобрительных слов - не с целью возвеличить Шмелева, а чтобы поддержать и вдохновить его ранимую душу.

При медленном чтении постепенно приходишь к выводу, что эти три тома писем являются своеобразным литературным произведением - не случайно они получили своеобразный заголовок, имя собственное: «Переписка двух Иванов». Так ее назвал, опираясь на слова одного из писем «мы два русских Ивана», ученик и издатель трудов И.А. Ильина проф. Н.П. Полторацкий (США). Совпадение имен было знаменательным для взаимоотношений Шмелева и Ильина. Они никогда не забывали, что Иван Сергеевич свои именины праздновал в день «апостола любви» - святого Иоанна Богослова, а Иван Александрович в день Собора «проповедника покаяния» - святого Иоанна Предтечи. Обозначенное под письмами имя Иван, так тесно связывающее их между собой и с Россией, всячески обыгрывается. Ильин называет себя «Ваш пономарь и звонарь из Собора Иоанна Предтечи», «Ваш Иоанн Надорванный», «Ваш Иоанн Повсеместный», «Иоанн Безземельный» и т.д. а Шмелев подписывается: «Ваш Иван с подзвона», «Ваш раб Б. Иван», «Ваш искренне-братски Иван Шмелев». Юмор, помогающий преодолевать уныние и жизненные трудности, пронизывает всю переписку.

Письма И.С.Шмелева, как правило, более пространные, они содержат богатейший литературный материал, обладают несомненными художественными достоинствами и заслуживают отдельного изучения. Но по своей выразительности и образности послания Ильина также замечательны. Интересно, что в первом из своих

писем Шмелев отмечает в произведениях философа «искусство живого и яркого слова, с такой широтой и духовной глубиной» - наряду с «великой честностью перед Россией, мужеством в борьбе, высокой и одухотворенной человечностью» [2: 14]. И позже, в 1933 году, Шмелев, как он сам это называет, поёт искренний «гимн» литературному таланту философа: «Вы...наделены от Бога даром художника-мастера, острым духовным глазом, горячим сердцем, пламенным словом, богатствами русской речи, потрясающими меня, в изумление и восторг приводящими. Откуда это?! Я в пуще народной вырос, а Вы-то... Откуда у Вас такое постижение слова, такая к нему чуткость, такое знание?! Вы сколько десятилетий отдали на кабинетную работу... Где же Вы так наслышались живого, играющего слова?!... Оно в крови у Вас, в Вашем существе неповторимом... да еще скажете - эх, его, как рассыпается, подбрасывает-стелит коврики! Нет, не подбрасываю. А радуюсь, как же блесит талант русский!... Вы меня называете поэтом, но Вы-то воистину Поэт-Мыслитель, главой уходящий в облака, а ногами ступающий по Вселенной, не только по родной земле...» Справедливость этих слов подтверждают многие страницы переписки. Прочитируем «портрет души» И.С. Шмелева, созданный в нескольких строках письма Ильина от 1.XII.1927: «Я по-новому увидел строгую, скорбную и вдохновенную силу Вашу. Я не знал издали, что в Вас столько грозы и муки, в писании они тонут в нежной и сияющей глубине; в беседе лучи светят сквозь бурю» [2: 74].

Оба собеседника прекрасно сознают риск и опасность того, что взаимное одобрение вызовет гордость. Они всячески ограждают себя от нее. В 1927 году Ильин сознавался: «Не думайте, что я считаю себя «всемогой»... Куда там! Мне еще всю жизнь учиться надо. Я лишь за краешек Ризы Божией держусь - и меру «глупости» своей знаю твердо. Но за краешек-то я держусь всем существом своим... И: *Россия зовет*. Отказа не может быть...» [2: 36].

Эпистолярный стиль И.А. Ильина отличается эмоциональностью, лаконичностью, категоричностью суждений. По отношению к другу он обнаруживает сердечное, заботливое участие, к врагам - уничтожающий сарказм (чего стоит только сатирическая «обработка» фамилий - Белибердаев, Балданов, Гадамович). В двух строчках, например, умещается глубокая оценка произведения: «Мы прочли “Неупиваемую Чашу” - великолепную, чистую, с заоблачными серебряными колоколами» [2: 16]. Часто он, как и Шмелев, создает новые слова, порой в духе народной этимологии, например, «опуз» (поясняет: от слова «пузо»), «лѣкот моря», «пустолай», «интуитство», «лаблатория», «серебряно-свадьбишное путешествие», «клеветоны», «кум-прометируете», «встосковался», «незагорательный», «критикутик», «не рыагируйте», но подобная игра слов не свойственна общему стилю эпистолярной прозы Ильина, а скорее является шутивным обрамлением серьезнейшего содержания. То же можно сказать о шуточном использовании иностранных слов («жду Вашей делюсидации» - то есть, ответа после прочтения; «навязывают базельский аналогон») - в письмах вообще часто встречаются иностранные слова и выражения, что можно объяснить постоянной необходимостью обоих авторов общаться в быту и в литературной среде на иностранных языках.

При этом нет никакого пиетета перед чужими языками, наоборот, и Шмелев и Ильин называют их «туземными», а когда речь в письмах идет о самых важных вопросах, мы имеем перед собой прекрасные образцы русской речи. В письме от 27.II.1928 Ильин выражает свои впечатления от прочитанной «Русской Масленицы» (впоследствии вошла в «Лето Господне»): «Какую чудесную Масленицу Вы написали! Как это удивительно, какая Россия... Не может иностранец понять эту проникнутую, насыщенную мистерию быта... Юность наша, детство наше, милая-милая изнутри осиянная Россия! я так давно Вашего не читал... Как будто проснулся, ожил, воды ключевой напился...» [2: 87]

В письмах Ильина нередко грусть смешана с улыбкой, артистическая игра - с философичностью и прозорливостью. О Гоголе, Достоевском, Чехове заставляют вспомнить некоторые «тирады» из писем Ильина: «Жизнь наша, как мне здесь открылось, состоит из *творчества* и *скворчества*... Вы, конечно, с Вашей ядовитой промзительностью, скажете, что у большинства людей ничего, кроме скворчества и нет; и что у тех, у кого есть творчество, оно слишком часто сбивается на скворчество... но в такие глубины пускаться не могу - они для Билибердяева и для Бульбульгакова» [2: 218]. Известно, что скворец подражает пению нескольких певчих птиц, и философ под «скворчеством» имеет в виду подражательность эмигрантов, отсутствие у многих самостоятельного стиля, неумение оригинально мыслить.

Один из устойчивых и многогранно разветвленных мотивов переписки писателя и философа вращается вокруг проблемы выживания в чужом мире. Этот мотив включает хлопоты и переговоры с книгоиздательствами, общение с людьми литературного круга, критические замечания о прозе Шмелева, обсуждение вопросов философии. К этим вопросам примыкают советы о лекарствах, организации материальной помощи. Неизбежно оба автора часто не могут обойти вниманием злободневные политические вопросы. Но ведущей, не столько по количеству строчек, посвященных ей, сколько по первостепенной важности для двух русских изгнанников, является тема страдания Русской земли и ее Возрождения. Она явно доминирует над всеми другими темами переписки. Этот единящий обоих мыслителей центр отчетливо обозначен в пасхальном поздравлении Ивана Ильина Ивану Шмелеву в 1927 году: «Письмо попадет к Вам на Светлый День, и я приветствую Вас: Христос Воскресе! И на Русской земле - Христос Воскресе! Воскреснет с Ним и Душа Русской Земли! Да воскреснет и тело Ее, из гроба-смерда, да зацветет, заблагоухает, оживет вновь, хоть бы до первого мига этого Воскресения дожить, а там - и умирать легко» [2: 26-27].

Даже в шуточных стихах, которые Ильин время от времени присылал Шмелеву, умоляя не принимать их «всерьез», он не миновал темы тоски по Родине:

Но жизнь без родины грустна...

Всё кажется вопросом...

И их душа была мрачна

Подобно сим утесам [2: 220].

Иногда связанные с этим мысли формулируются философом в свойственной ему афористической форме: «Творения строят Россию, а обыватели ее растрясаят» [2: 498]. Или: «Я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон - честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило - русский национальный интерес» [2: 491].

Тема Родины по-разному раскрывается в каждом из периодов в истории переписки И.С. Шмелева и И.А. Ильина. Три тома переписки приблизительно совпадают с тремя ее периодами.

I том датируется 1927-1934 годами. Это период знакомства и сближения И.А. Ильина и И.С.Шмелева, когда оба вживаются в свое новое положение эмигрантов и страстно желают ближайшего конца большевизма. С самого начала переписки закладывается ее обоюдная основа: любовь к светлой, святой Руси и готовность самоотверженно потрудиться для ее возрождения. Всё увиденное и прочувствованное на Родине в тяжкие дни революции еще так близко, еще так свежи все душевные раны! Ильин и Шмелев категорически не принимают свойственные некоторым эмигрантам попытки найти компромисс с коммунистическими властями.

При этом народ России, обманутый, запутавшийся, страдающий, неизменно дорог им обоим. Среди прочитанных Ильиным за границей тем лекций, о которых философ пишет своему другу, на первом месте такие, как патриотизм, воспитание русского национального характера. Многие письма посвящены обсуждению проблем, связанных с издававшимся в эти годы И.А. Ильиным в Берлине «журналом волевой идеи» «Русский колокол». По его замыслу, на страницах этого издания лучшие силы

эмиграции должны были вдохновить россиян по обе стороны границы на строительство новой России, преодолевая мучительные ошибки прошлого через их осознание. В эти годы и позже творчество И.С.Шмелева его другу-философу ясно видится неким средоточием национального самосознания. Ильин напутствует его: «Пишите, пишите, сколько Бог силы даст - стройте Россию, вечную и будущую...» [2: 139].

Блестяще владея европейскими языками, имея большой успех лектора в Германии и других странах, Ильин, однако, называет в письмах европейцев «туземцами». В этом видится отнюдь не пренебрежение, а лишь желание избежать даже в малой степени потери своей связи с Отечеством. Когда в одном из писем Шмелев называет Францию «второй Родиной», Ильин категорически заявляет в ответ: «никакой “второй Родины” нет, не бывает и не может быть» [2: 288], - с чем его собеседник, подумав, согласился. Оба они почувствовали здесь угрозу утраты национального самосознания, самобытности, угрозу растворения в многообразной культуре Европы - что было бы губительно для оригинального творчества в эмиграции.

Во II томе переписки (1935-1946 гг.) многое определяется приближением Второй мировой войны, ее течением и последствиями. Уже в письмах середины 30-х годов мы встречаем пророческие строки о ней у обоих авторов. И.А. Ильин, проживая в Германии, с самого начала был отрицательно настроен к гитлеровской власти. Она отплатила ему сначала запретом выступать, печататься, потом гонениями, сходными с теми, что он пережил в советской России, - вплоть до угроз заключения в концлагерь. Из писем становится понятно, сколько страданий в связи с этим перенес философ и каким чудом вырвался в Швейцарию, где и прожил всю оставшуюся жизнь.

Во время войны из-за отсутствия прочной связи между частями Европы, в силу трагических обстоятельств, обмен письмами между Ильиным и Шмелевым почти прекратился. В 1945-1946 годах, в трудное, голодное время, переписка постепенно возобновляется. Наряду с обсуждением взаимной помощи (лекарства, продукты питания, книгоиздательства), собеседники чувствуют огромную потребность уяснить себе итоги прошедшей великой войны. Они солидарны в выводе, что русский народ, вопреки советской власти, силой своего веками сформированного богатырского сохранившегося духа стал победителем в войне и освободителем для других стран.

В эти годы обоим, и Ильину, и Шмелеву, стало ясно, что падение коммунистического режима в России дело далеко не такого близкого будущего, как казалось раньше. Избежать разочарования, укрепиться в терпении им помогают совершенные в 30-е гг. поездки в те места, где с давних лет жили русские и где они сохранили прежний уклад жизни, еще не попав под власть советского правительства: это Рига, различные города Эстонии, Псково-Печорский монастырь, Изборск, Прикарпатская Русь. С восторгом пишут они друг другу об этих нелегких путешествиях, увидев и ощутив эти островки Святой Руси - с действующими древними церквями, русскими песнями и бытом.

Очень насыщенным был последний, III период переписки двух художников-мыслителей (1947-1950 годы), продолжавшийся вплоть до кончины И.С. Шмелева. Это время для них обоих - время признания, огромной популярности в среде русской эмиграции и сочувствующих ей во всем мире читателей. Время страданий, постоянных болезней и тяжелейшего, но вдохновенного труда. По-прежнему тема России остается на страницах писем одной из важнейших. Со свойственной ему лаконичностью Ильин пишет: «Мировой конфликт будет изживаться местными трениями и стычками... Нам надо думать только о России и ее судьбу строить в волевом порядке... Русский народ учится самостоянию. И научится! Мукою» [3: 218, 255].

В качестве приложения к переписке опубликованы «Невинные сказки» И. Ильина («Жертвенная овца», «Медведица» и другие), в которых соединились смех и слёзы боли за страждущую Родину. Ее судьбе, в сущности, посвящены все десять сказок, которые заслуживают отдельного изучения.

Публикация переписки двух замечательных людей России XX века - И.А. Ильина и И.С. Шмелева - это своего рода дошедшее до нас их завещание. Она явилась важнейшим дополнением к опубликованным в последние десятилетия произведениям писателя и философа. Письма, проникнутые раздумьями и болью за судьбу нашего народа, своими лучшими страницами укрепляют в читателях уверенность в великом будущем России.

В настоящее время вопрос о документальной литературе (в частности, эпистолярном жанре) как о части словесности очень актуален. Некоторые исследователи приходят к выводу, что именно к середине XX века сформировалось новое явление культуры - художественно-документальная проза, и ее изучение только в начале своего пути. В связи с этим «Переписка двух Иванов» замечательна еще и тем, что Шмелев и Ильин сочетают ясно осознанный ими художественный аспект своих посланий с исторической, публицистической их стороной. И.А.Ильин проявил себя здесь не только как личность, одаренная философским и ораторским дарованием, но и как блестящий художник слова, тонкий знаток русской литературы и различных стилей родного языка во всем их многообразии.

Библиографический список

1. Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935-1946) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Расшифровка и текстологическая подготовка писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. - М.: Русская книга, 2000.
2. Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927-1934) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Расшифровка и текстологическая подготовка писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. - М.: Русская книга, 2000.
3. Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947-1950 гг.) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Расшифровка и текстологическая подготовка писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. - М.: Русская книга, 2000.